

ния и возражая против высказанного обвинения, я намереваюсь все обсудить по порядку.

Более всего украшает человеческую деятельность и более всего для нее похвально, а также лучше всего направляет ее к доброй цели способность овладеть теми свойствами, которые необходимы для достижения желаемого, подобно тому как рыцарю для достижения его цели необходимы смелость духа и выносливость тела. Равным образом человек, предназначенный служить другому, должен обладать качествами, которые соответствуют этой цели, как-то умением подчиняться, пониманием и послушанием, без которых никто не пригоден к хорошей службе; в самом деле, если он при любых обстоятельствах не умеет подчиняться, он всегда выполняет свою службу с трудом и неохотно и редко когда остается в услужении; и если он [не понимает потребностей своего хозяина и ему не повинуется], он никогда не будет служить иначе как своевольно и так, как ему вздумается, что будет скорее услугой друга, чем слуги. Итак, во избежание беспорядка нужен комментарий, который в качестве слуги нижеследующих канцон должен им подчиняться в любых обстоятельствах, понимая потребности своего хозяина. Всех этих качеств он был бы лишен, будь он написан по-латыни, а не на народном языке, так как канцоны сложены на языке народном. Он был бы также не подчиненным, а господствовал бы благодаря своему благородству, достоинству и красоте. Благодаря благородству – поскольку латинский язык неизменен и не подвержен порче, народный же – неустойчив и подвержен порче. Поэтому мы и видим в комедиях и трагедиях, написанных в древности и неизменных, тот же латинский язык, каким мы владеем и ныне; не так с языком народным, который, следуя прихоти, а также искусству им пользующихся, изменяется. Если хорошо приглядеться, мы придем к заключению, что в городах Италии за последние пятьдесят лет многие слова исчезли, возникли и изменились; поэтому если короткий срок вызывает такие превращения, то более долгий порождает их в еще большем количестве. Таким образом, я утверждаю, что если бы те, кто покинули эту жизнь тысячу лет тому назад, вернулись в свои города, они подумали бы из-за различия в языке, что город их занят чужеземцами. Об этом будет сказано в другом месте более подробно, а именно в небольшой книге, которую я, если позволит Бог, намереваюсь сочинить о народном красноречии.

Кроме того, замечу, что латинский язык, если бы я избрал его, был бы не подчиненным, а главенствующим по своему достоинству. Каждая вещь добродетельна по своей природе, когда она делает то, для чего она предназначена; и чем лучше она это делает, тем более она достойна. Поэтому мы именуем добропорядочным того человека, который живет жизнью созерцательной или деятельной, ежели к таковой он склонен от природы; мы называем отменным того коня, который обладает ходом сильным и продолжительным, – такова цель его создания; мы считаем добрым тот меч, который хорошо рассекает твердые предметы, – в этом его назначение. Так и речь, которой надлежит раскрывать человеческую мысль, достойна тогда, когда она это осуществляет, и более достойна та речь, которая это делает лучше; и, так как латинский язык открывает многие мысли, которые народный выразить не способен, как это знают те, кто владеет и той и другой речью, он обладает большим достоинством, чем язык народный.

Кроме того, он не был бы подчиненным, но главенствующим благодаря своей красоте. Человек называет ту вещь красивой, части которой должным образом друг другу соответствуют; и мы называем красивым то пение, когда голоса, следуя правилам искусства, друг другу отвечают. Таким образом, красивее та речь, в которой слова в большей степени обладают должным соответствием друг другу, а обладают они таким соответствием в латинском языке в большей степени, чем в народном, ибо народный следует обычаю, а латинский – искусству, почему он и признается более красивым, более достойным и более благородным. Из этого и вытекает основное положение, а именно что латинский язык оказался бы не подчиненным канцонам, но над ними главенствующим.

VI.

После того как было разъяснено, что настоящий комментарий, будь он латинским, не был бы подчинен канцонам, написанным на языке народном, остается показать, что он в таком случае канцон не понимал бы и не был бы им послушен; после чего придем к заключению, что во избежание досадных расхождений необходимо выражаться на языке народном. Что латинский язык не был бы понятливым слугой для народного сеньора, я утверждаю на следующем основа-